

**часть первая
где я нахожусь**

один

Когда хочешь покончить с собой, слова даются ой как непросто. Это влияет на все, но не в психическом смысле, нет, ощущение вполне физическое: тебе физически тяжело открывать рот и произносить слова. Ты не можешь подумать и произнести что-то как нормальный человек: слова лезут кусками, как будто их перемололи в измельчителе для льда, они скапливаются во рту за нижней губой, и ты спотыкаешься о них. Лучше уж помалкивать.

— А вы замечали, что во всех рекламных роликах люди смотрят телик? — спрашивает мой друг.

— Не гони, — возражает второй.

— Да нет, точняк, — подтверждает третий. — В них постоянно кто-то сидит на диване, только если это не ролик про аллергию — и тогда они в поле...

— Или скачут по пляжу на лошади.

— Не, это в рекламе лекарств от герпеса.

Мы смеемся.

— Да как вообще можно сказать кому-то, что у тебя герпес? — говорит Аарон, дома у которого мы зави-саем. — Представляете эту дичь: «Слушай, пока мы не начали, я должен сказать...»

— А ваши мамки вчера ночью не возражали!

— О-о-ой!

— Да ты офигел, пацан!

Аарон тычет кулаком в задиру Ронни. Тот маленького роста и обвешан цацками. По его словам, «начни носить украшения — потом не остановишься». Ронни бьет в ответ, и пузатый золотой браслет на его руке с громким звоном стучается о часы Аарона.

— Э, парень, ты что, золотишко мое попортить хочешь? — Ронни трясет запястьем, а потом переключается на курение косяка.

У Аарона всегда есть травка. У него комната с отдельной вентиляцией и запирающейся дверью в соседнее помещение, которое его родители сдают жильцам как отдельную квартиру. На всех выключателях красуются грязные потеки, а покрывало на кровати — в черных кругах. Пятна и разводы на нем тоже есть, блестящие такие, говорящие об определенных занятиях, которым предаются Аарон и его подружка. Я смотрю на пятна, потом на парочку — и ревную. Но потом вспоминаю, что на ревность мне уже плевать.

— Будешь, Крэйг?

Мне дают косяк, свернутый из рекламного листка службы доставки, но я передаю его дальше. Я провожу эксперимент. Проверяю, не в травке ли все дело: может

быть, это она пришла и поработила меня. Я частенько так делаю: по несколько недель не курю, а потом выкуриваю сразу целую кучу травы, просто чтобы проверить, а вдруг дело как раз в воздержании.

— Ты как, чувак? Порядок?

Меня могли бы так называть. Типа такой супергерой: «Чувак-Порядок».

— Э-э-э... — торможу я.

— Не цепляйся к Крэйгу, — говорит Ронни. — Он на своей волне. На волне Крэйга. Он крэйгует.

Я собираюсь с силами, привожу в действие необходимые мышцы и выдаю с улыбкой:

— Ага, просто я... типа... ну...

Видите, что происходит со словами? Они отказываются иметь дело с губами и уходят.

— У тебя все нормально? — спрашивает большеглазая красотка Ниа.

Ниа — девушка Аарона. Она постоянно к нему прирагивается. Вот и сейчас она сидит на полу возле его ноги.

— Все отлично, — говорю я.

Она отворачивается обратно к телику, и голубое свечение экрана отражается в ее глазах. Мы смотрим документалку про океанские глубины.

— Вот ни фига себе, вы только поглядите! — говорит Ронни, выдыхая и снова втягивая в себя дымок. Как вообще он это делает?

На экране появляется полупрозрачный осьминог с гигантскими ушами, парящий в воде в холодном свете батискафа.

— Ученые в шутку назвали этого осьминога Дамбо... — вещает диктор.

Ха, а вот и мой секрет: я хотел бы быть осьминогом Дамбо. Приспособленный к ледяному холоду океанских глубин, я бы спокойно плавал туда-сюда. Самой большой заботой в моей жизни было бы, какую дрянь подобрать со дна, чтобы прокормиться. Что не слишком-то отличается от моих нынешних проблем. Зато у меня не было бы естественных врагов. Впрочем, у меня и сейчас их нет, а что толку? И тут меня осеняет: я хотел бы жить под водой, как осьминоги.

— Я сейчас, — говорю я, поднимаясь со своего места на диване, которое тут же занимает Скраггс, сидевший до этого на полу.

— Встал — место потерял! — поспешно говорит он. — Ты не сказал «не занимать».

— Не занимать! — пробую я.

— Поздно.

Я пожимаю плечами и, минуя сваленную в кучу одежду и вытянутые ноги, пробираюсь к светло-коричневой двери, похожей на вход в квартиру с улицы. За дверью направо — теплая ванная.

С ванными комнатами у меня особые отношения. Я провожу в них кучу времени. Это убежища, общественные места покоя для таких, как я, разбросанные по всему миру. Заскочив в туалет Аарона, я следую при-

вычному ритуалу по убиванию времени. Первым делом выключаю свет. Глубоко вздыхаю. После этого поворачиваюсь лицом к двери, которую только что закрыл, спускаю штаны и падаю на унитаз — не сажусь, нет, а падаю, как труп, чувствуя, как задница встречается с ободком. Потом я роняю голову на руки, выдыхаю и, это, ну, отливаю. Я всегда стараюсь получать от этого удовольствие, прислушиваюсь, как из меня вытекает, понимаю, что мое тело справляется с чем-то, что должно делать, вроде питания, с которым у меня не очень получается. Поэтому я прячу лицо в ладони и мечтаю, чтобы это вытекание продолжалось вечно, потому что это так приятно. Ты это делаешь — и оно делается. Не нужно прилагать никаких усилий или думать, как бы к этому подойти или отложить на потом. Если не можешь отлить — это же просто капец. Типа анорексии, только с мочой. Вроде как держишь ее внутри, чтобы наказать себя. Интересно, кто-нибудь так делает?

Я заканчиваю и, так и не поднимая головы, спускаю воду, нащупав кнопку сзади. Потом встаю и включаю свет. Интересно, кто-то заметил, что в щели под дверью не было света и я сидел в темноте? Видела ли Ниа?

Смотрюсь в зеркало. Выгляжу я совершенно обычно. Также, как выглядел до прошлой осени. Темные волосы, темные глаза, один кривой зуб, сросшиеся на переносице густые брови и длинный, немного перекошенный нос. Расширенные зрачки — это у меня от природы, а не из-за травмы — растворяются в темно-коричневых радужках, делая мои глаза похожими на блюда: такие

отверстия внутрь меня. Над верхней губой — отдельно торчащие клочки волос. Это и есть я, Крэйг.

Вид у меня всегда такой, будто я сейчас расплачусь.

Я включаю горячую воду и, чтобы почувствовать хоть что-то, плещу на лицо. Через несколько секунд мне придется выйти отсюда к людям. А так хочется еще немножко посидеть в темном туалете. Я всегда растягиваю поход в туалет минут на пять.

два

— Как твои дела? — спрашивает доктор Минерва.

В ее кабинете, как и у всех мозгоправов, стоит книжный шкаф. Раньше я не хотел называть их мозгоправами, но мне кажется, что после всего случившегося у меня есть на это право. Так психологов называют взрослые, причем неуважительно, а я почти взрослый и никого не уважаю, так что — какого черта?

Короче, как у всех мозгоправов, у нее в этом кабинете есть книжный шкаф, забитый соответствующей литературой. Самая важная книжка, и толстенная такая, — «ДСР, или Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам»: в нем перечислены все известные науке психические заболевания — занятное, я вам скажу, чтиво. У меня, конечно, не все собранные там болезни, а только одна, зато серьезная, но я знаю обо всех, потому что полистал книгу. Чего там только нет. Например, «синдром проклятия Ундины». Это когда организм утрачивает способность к произвольному дыханию. Представляете?

Человек должен все время думать: «Дыши, дыши!» — а иначе дыхание прекратится. Большинство людей с такой болезнью умирает.

Если мозгоправ высококлассный, то у нее (чаще всего — «у нее», реже — «у него») есть несколько таких ДСР, потому что оно выходило в нескольких изданиях. Самые распространенные — третье, четвертое и пятое, и вряд ли вам где-нибудь встретится второе: его выпустили в 1963 году или около того. Новое руководство выходит примерно раз в десять лет, сейчас идет работа над шестым.

Блин, я мог бы стать мозгоправом.

Ну так вот, кроме ДСР в шкафу куча специальных книг о разных психических болезнях: «Свобода от депрессии», «Тревога и панические атаки: причины и лечение», а также «Семь навыков высокоэффективных людей». Все книги в твердых переплетах. Никаких тебе мягких обложек! Обычно в таких кабинетах есть по меньшей мере одна книга, посвященная сексуальному насилию над детьми, — «Израненное сердце», например. Когда одна из психологов-мозгоправов, к которой я ходил, застала меня за разглядыванием этой книжки, она так и сказала:

— Это книга о сексуальном надругательстве над детьми.

А я такой:

— Хм, да?

А она:

— Это для людей, которые подверглись насилию.

Ну и я кивнул.

— С тобой такое было?

У нее было маленькое старческое личико с копной поседевших добела волос. Больше я к ней не ходил. Что вообще за вопрос? Не подвергался я никакому насилию. Будь это так, все стало бы намного проще. Тогда у меня была бы веская причина таскаться по кабинетам мозгоправов. Было бы оправдание и что-то, над чем можно работать. Но жизнь приготовила мне подлянку, с которой так просто не разделаться.

— У меня все нормально, — отвечаю я на вопрос доктора Минервы. — Ну, то есть не совсем нормально, раз я здесь.

— Тебя это беспокоит?

— Конечно.

— Да, ты уже давно сюда ходишь.

Доктор Минерва всегда потрясающе выглядит. Не сказать, что она как-то по-особому хороша, просто умеет себя подать. Сегодня на ней красный свитер и подобранная тон в тон губная помада. Как будто она специально ходила в магазин красок, чтобы подобрать цвета.

— Я хочу перестать сюда приходить.

— Что ж, ты движешься к этому. Как твои дела?

Это у нее такой навоящий вопрос. Мозгоправы всегда их задают. Один мозгоправ всегда спрашивал: «Что, как?», «Как мы проживаем?» или даже: «Что новенького в мире Крэйга?» Это у них так заведено. Такие прибаутки. У каждого свои.

— Сегодня у меня было неприятное пробуждение.

— А спал ты хорошо?

— Нормально.

Она сидит как каменная и смотрит прямо перед собой. Не знаю, как они делают это специальное психологическое упражнение кирпичом. Как у игроков в покер. Психологам пошло бы играть в покер. Кто его знает, может, так они и делают. Может, это как раз они и выигрывают на разных телешоу сумасшедшие деньги. И после этого имеют наглость выставлять моей матери счет в 120 баксов за час. Вот жадюги.

— И что произошло, когда ты проснулся?

— Мне что-то снилось, уже не помню что, но когда я проснулся, то с ужасом понял, что уже не сплю. Меня как кирпичом в пах садануло.

— Как кирпичом в пах, понятно.

— Я не хотел просыпаться. Мне было гораздо лучше, когда я спал. Меня это угнетает. Это как ночной кошмар наоборот, понимаете? Люди испытывают облегчение, когда просыпаются от кошмара, я же просыпаюсь в него.

— И что это за кошмар, Крэйг?

— Жизнь.

— Жизнь — это кошмар?

— Ну да.

Тут мы замолкаем. Вроде как важный момент. Неужели жизнь в самом деле похожа на кошмар? Чтобы поразмыслить над этим, нам нужно не меньше десяти секунд.

— И что ты сделал, когда понял, что проснулся?

— Остался в кровати.

Я мог бы рассказать еще кое о чем, но не стал. Например, этим утром я лежал в постели голодный. Накануне вечером я ничего не ел. Допоздна делал уроки, вымотался и, упав на подушку, уже понимал, что утром горько об этом пожалею: проснусь жутко голодным — и точно переступившим грань, за которой мой желудок так подведет, что я не смогу съесть ни куска. Я проснулся, мой желудок крутило так, будто он пожирал себя изнутри. Но я не хотел ничего с этим делать. Я не хотел есть. При одной мысли о еде живот начинал болеть еще сильнее. Я не придумал ничего, что смог бы в себя впихнуть, кроме кофейного йогурта, но от него меня уже тошнило.

Я перевернулся на живот, стиснул кулаки и прижал их к животу, как будто молился. Кулаки вмяли желудок внутрь, обманули его, заставили поверить, будто он полон. И вот я лежу в этой позе, мне тепло, голова кружится, секунды уходят одна за другой.

Я пролежал так почти час и встал только по естественной нужде, которая еще никогда меня не подводила.

— Я встал, потому что мне нужно было отлить.

— Понятно.

— Это было так классно.

— Ты уже говорил, что тебе нравится мочиться.

— Ага. Это просто.

— Тебе нравится, когда просто.

— Это всем нравится, разве нет?

— Некоторые любят преодолевать сложности, Крэйг.

— Ну, это не мой случай. По дороге сюда я думал... представлял себе, что мог бы работать велокурьером.

— Так.

— Занятие проще некуда, все понятно, и тебе платят. Это стало бы моим Якорем.

— А как же школа, Крэйг? Твой Якорь — школа.

— Нет, в школе намешано столько всего, и она распадается на кучу всяких непонятностей.

— Ты про Щупальца.

Мне пришлось объяснить доктору Минерве свой словарь, и она довольно быстро с ним освоилась. Щупальцами я называю злобные задачи, которые вторгаются в мою жизнь. Например, урок американской истории на прошлой неделе, для которого нужно было написать доклад на тему «Оружие времен Войны за независимость», для чего мне пришлось тащиться в Метрополитен-музей, чтобы посмотреть на старые ружья, а значит, спуститься в метро, а значит, на целых сорок пять минут остаться без почты и мобильного телефона, из-за чего я не смог ответить на письмо учителя, который предлагал всему классу задания на дополнительные баллы, а значит, другие ученики расхватали все задания, и я не получу 98 баллов и не приближусь к среднему баллу в 98,6 (необходимая вам температура тела по Фаренгейту), вследствие чего не поступлю в Хороший Университет, а значит, не получу Хорошую

Работу и у меня не будет Хорошей Страховки, следовательно, я буду тратить кучу денег на мозгоправов и лекарства, чтобы котелок варил, следовательно, у меня не будет денег для обеспечения Хорошего Уровня Жизни, чего я буду стыдиться, а значит, впаду в депрессию, и это будет полный капец, потому что мне ли не знать, что это такое: из-за депрессии я не смогу подняться с кровати, что приведет к логичному концу — я буду бомжевать. Потому что, если человек слишком долго не встает с кровати, к нему приходят специальные люди и уносят ее.

Якоря — это противоположность Щупалец. Якоря занимают мой мозг, и я на время чувствую себя хорошо. Кататься на велосипеде — Якорь. Составлять карточки — Якорь. Сидеть у Аарона и смотреть, как пацаны рубятся в видеоигры, — Якорь. Задачи должны быть простыми и идти одна за другой. Решать ничего не надо. Никаких тебе Щупалец. Только то, что мне по силам. И не нужно общаться с другими людьми.

— На свете немало Щупалец, — признаю я. — Наверное, я мог бы с ними справиться, но проблема в том, что я слишком ленивый.

— Что в твоём понимании «ленивый», Крэйг?

— Каждый день я не меньше часа валяюсь в кровати. Потом расхаживаю туда-сюда. Бывает, раздумываю о чем-то. Трачу время впустую, сижу тихо и помалкиваю, потому что боюсь, что буду заикаться.

— Ты заикаешься?

— У меня не получается нормально говорить, если я в депрессии: запинаясь на полуслове.

— Понятно. — Она что-то записывает в свой линованный блокнот.

«Это все пойдет в мое личное дело», — думаю я.

— Я не... — Я трясу головой. — Ну, насчет велика...

— Что? Что ты хотел сказать?

Это еще один фирменный приемчик мозгоправов. Они никогда не дают тебе оборвать мысль. Уж если открыл рот, будь готов к тому, что они вытащат из тебя все, чем ты собирался поделиться. Официально это объясняется тем, что самое важное о себе люди недоговаривают или обрывают на полуслове, но я думаю, что так мозгоправы дают вам почувствовать вашу значимость. По крайней мере, мне больше никто никогда не говорил: «Погоди, Крэйг, что ты хотел сказать?»

— Я хотел сказать, что не в заикании дело. Думаю, это просто один из симптомов.

— Как потливость.

— Ну да.

Потливость — это просто кошмар. Не такой, конечно, как невозможность поесть, но выглядит довольно странно: на лбу выступает ледяной пот с острым запахом кожи, который приходится вытирать каждую минуту. Обычно люди мало что замечают, но это точно видят.

— Но ведь сейчас ты не заикаешься.

— Консультация стоит денег — не хочу тратить время попусту.

Мы замолкаем. Теперь между нами разыгрывается очередная молчаливая битва: я смотрю на доктора Минерву, она смотрит на меня. Это такое соревнование — кто проколется первым. Она натягивает свое непроницаемое лицо, а у меня запасных лиц нет, у меня всего одно — обычное лицо Крэйга.

Мы смотрим друг другу в глаза. Я жду, что она скажет что-нибудь глубокомысленное, — жду, пусть даже это никогда не произойдет. Жду, что она скажет: «Крэйг, тебе просто нужно сделать то-то и то-то» — и сразу произойдет Сдвиг. Я так хочу, чтобы произошел Сдвиг! Хочу почувствовать, что мои мозги становятся на место, туда, где им положено быть, туда, где они были до прошлой осени, когда я чувствовал себя юным и свежим, схватывал все на лету, и мои учителя наперебой твердили, что я подаю огромные надежды (а так и было), когда я без страха отвечал в классе, потому что был любознательным и умным, и все мне было интересно. Я так мечтаю о Сдвиге! Я постоянно жду слов, от которых он наступит. Это как чудо, которое перевернет всю мою жизнь. Но разве доктор Минерва похожа на чудесную волшебницу? Нет. Это просто худая смуглая гречанка с накрашенными губами.

Она отводит глаза первой.

— Вернемся к велосипеду. Ты сказал, что хочешь быть велокурьером?

— Да.

— У тебя же есть велосипед, верно?

— Да.